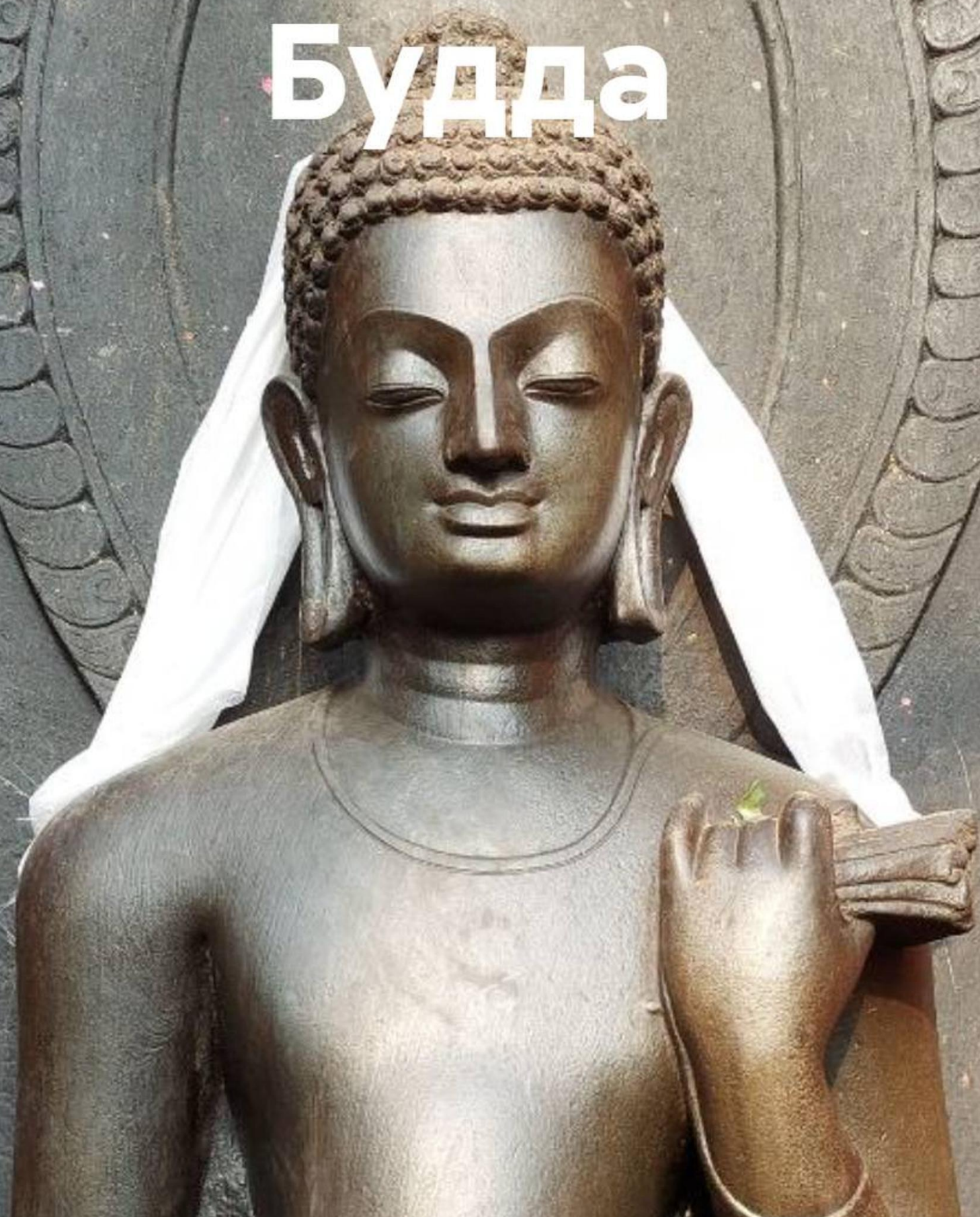

Олег Владимиров

Черный Будда

Олег Владимиров

Черный Будда

«Автор»

2026

Владимиров О.

Черный Будда / О. Владимиров — «Автор», 2026

Я не буддолог, не «непалист», не историк, то есть вообще не специалист в той области, часть которой будет неизбежно описана. Вы столкнетесь с моими глубоко личными дилетантскими впечатлениями и, возможно, они каким-то образом исказят достоверную картину, если таковая вообще существует. Предмет интереса – мое сознание и его реакция на предложенные обстоятельства. Я ничему не учу, ничего не продаю, не пытаюсь никого ни в чем убедить. Эта книга нужна прежде всего мне самому, к тому же я попросту обещал ее написать. А если кто-то вдруг захочет ее прочесть и сочтет интересной или полезной – буду рад. Перед прочтением настоятельно рекомендуется избавиться от ярлыков, стереотипов, установок и прочего ментального мусора. Впрочем, возможно, как раз чтение вас от них и избавит. Но это не точно.

© Владимиров О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Владимиров

Черный Будда

Глава

Предупреждение вместо предисловия

Я не буддолог, не «непалист», не историк, то есть вообще не специалист в той области, часть которой будет неизбежно описана. Вы столкнетесь с моими глубоко личными дилетантскими впечатлениями и, возможно, они каким-то образом исказят достоверную картину, если таковая вообще существует. Предмет интереса – мое сознание и его реакция на предложенные обстоятельства. Я ничему не учу, ничего не продаю, не пытаюсь никого ни в чем убедить. Эта книга нужна прежде всего мне самому, к тому же я попросту обещал ее написать. А если кто-то вдруг захочет ее прочесть и сочтет интересной или полезной – буду рад.

Перед прочтением настоятельно рекомендуется избавиться от ярлыков, стереотипов, установок и прочего ментального мусора. Впрочем, возможно, как раз чтение вас от них и избавит. Но это не точно.

Сборы

Жизнь летела кувырком и на бреющем – за пару лет я потерял родину, семью, работу, дом, имущество. В общем, примерно все, что составляет эту самую жизнь. Много нового узнал о людях. Из приобретений была только Лилька, которая и предложила поехать в Непал.

– Все равно ты сейчас ничем не занят. Когда еще будет такая возможность?

Похоже, она приготовилась меня уговаривать, но я удивительным образом сразу согласился. Обычно решение куда-то поехать принимаю долго, все тщательно взвешиваю, просчитываю. А тут... Жизнь, напомню, кувырком. Точек опоры нет, какое-то сплошное падение и парашют не выдали. Действительно – когда еще? Что мне терять? Когда падаешь, все равно – куда. Тем более до поездки еще пара месяцев. Это как согласиться когда-нибудь сходить в кино, в принципе, а не на конкретный фильм послезавтра. Вот я и согласился, легко и непринужденно.

Первый звонок прозвенел, когда Лось сказал, что тоже поедет, если поеду я. Не люблю навязанной созависимости. Получается, теперь изволь ехать в любом случае. Еще серьезнее все стало после покупки билетов, естественно, невозвратных. И все равно дорогих – Непал далеко!

И ох уж мне эти групповые поездки! Летишь один или с семьей – все просто. Но когда шесть человек пытаются синхронно купить билеты из четырех точек... Подбор, стыковки, номера рейсов, я не вижу этот рейс, я не вижу время вылета, я не вижу багаж, я вообще ничего не вижу! А у меня карта не проходит! Карта, кстати, не проходила у меня.

Когда все уже с моей и божьей помощью купили билеты, а сам я подвис, решил, что не судьба лететь, судьба не лететь. Езжайте, говорю, без меня. Мне предложили заткнуться и попробовать еще раз. В интернетах что-то шелкнуло и вот я лечу в Катманду.

Теперь я был привязан к поездке основательно, но все равно не думал об этом. Было, скажем так, о чем подумать кроме Непала. И еще одна штука... Я какое-то время назад понял, что чем меньше ожиданий от поездки, тем лучше она выходит.

Полетел, помню, как-то в Будапешт – едва ли не случайно, вообще без ожиданий каких-то, просто подвернулся дешевый билет. И очень понравилось! А потом была поездка в Барселону, про которую прожужжали все уши – как там здорово, замечательно, красиво и чудесно. И что в итоге? Разочарование, поскольку ожидания изначально были выкручены на максимум.

Про Непал я вообще не думал. Будь что будет. Безработный на предпоследние деньги летит на две недели в Катманду! Изначально панк-вариант, сам бог велел забить, запить и забыть.

Но чем ближе день отъезда, тем сильнее меня начинало штырить. Примерно за неделю появилось легкое беспокойство, которое росло в геометрической прогрессии и достигло категорического нежелания куда-либо двигаться в принципе. За два дня до старта хотелось забиться под диван и не вылезать. За день начались, натурально, панические атаки: немели пальцы, бешено колотилось сердце. Какие там сборы!

Хорошо, что это состояние не было для меня откровением. Я догадывался, что нечто подобное вылезет: когда долго никуда не едешь – а я просидел на одном месте полтора года! – меня обычно накрывает чем-то подобным. Тут вышло прямо очень интенсивно, приходилось скручивать себя в бараний рог и заставлять, шаг за шагом, делать необходимое: менять деньги, покупать что-то в дорогу, собирать чемодан, думать, как добраться до аэропорта.

Непонятно было с одеждой. Интернет говорил, что днем в конце февраля – начале марта в Катманду +20, а ночью +5. Сработала старая сибирская мудрость – одеваться капустой. Майка, на майку байка, плюс наготове легкая пуховая куртка, которую можно скатать до размера рулона салфеток и таскать в рюкзаке. Штаны удобные, ботинки-вездеходы, которые не только не подвели, но и радовали многократно за способность легко, одним движением, скидываться и этим же движением надеваться обратно. Очень практично, поскольку в Непале огромное количество мест, где нужно разуваться.

Всего нас отправилось, напомним, шестеро: три сестры буддистского исповедания, одна из них моя Лилька, я, Лось и примкнувшая к нам в последний момент Маруся.

Ну и все. Полетели.

День первый. Знакомство с Буддой

Британские ученые утверждают, что для человеческого мозга нет разницы, переживает ли он что-то в реальности или в воображении. Как выяснилось, буддисты считают примерно так же. Непал – это реальность, которую ты пропускаешь через воображение, и результат может быть самый неожиданный.

Сначала просто картинка из иллюминатора: завораживающий ряд белоснежных вершин, огромных даже на большом удалении. Потом станет ясно, что больше в таком виде их не увидишь: издалека, в редкий ясный день, откуда-нибудь с высокой точки рядом с Катманду можно что-то разглядеть. Чтобы увидеть Гималаи более-менее подробно, надо долго ехать или даже лететь, а потом еще пешком в трекинг недели на две. В наши планы это не входило. Мы уже приехали.

Приземлились, стало быть, днем. Первое впечатление – «куда я попал?». Лет на тридцать назад, не иначе. Аэропорт Катманду со стороны летного поля напоминал любой захолустный российский аэропорт начала девяностых: латаный асфальт, стертая разметка, постройки сарайно-облезлого типа, убитая техника эпохи раннего средневековья. Картина «мама, мы все украли».

Но внутри аэровокзала оказалось внезапно уютно. Прямо на входе расположилась статуя Будды, кругом – темное дерево, создающее уют хоть в сельском клубе, хоть в сауне. Мне понравилось. Еще больше мне понравилось, когда за мои сто долларов в обменнике мне дали целых 14 тысяч местных рупий, пусть и ужасно грязных, старых и рваных. Экзотика началась.

Продолжилась она на выходе из аэропорта. Кругом – куча машин и народу, пара полицейских каким-то чудом и добрым словом сохраняли стерильно чистым пространство непосредственно перед выходом. Тут мы и подвисли, стараясь понять, в какую сторону двигаться дальше.

Из неоткуда материализовался Лекс – я давно не видел таких потешных чуваков. В какой-то клетчатой пижаме, со смешным вязаным колпаком на вытянутой голове и в резиновых «кроссах» поверх носков, в которые были заправлены пижамные штаны. В сочетании с худобой и прыгающей походкой выглядело это как будто дети выпустили Санта-Клауса из заложников. Поздоровавшись, он умчался за такси, сказав нам стоять на месте. Лекса на просторах интернета выудила Маруся, он был русский прибалт-буддист и клятвенно божился помочь нам всячески, если мы у него купим экскурсию, а лучше две.

Мы стояли довольно долго, вдалеке мелькал колпак Лекса. Я успел хорошенько оглядеться, но так ничего толком и не понял. Через дорогу от аэропорта, который находится в черте города, была большая площадь, запруженная людьми и машинами, что-то вроде паркинга. Люди просто стояли рядами, висели на ограде этой «парковки» – смотрели в нашу сторону. Я почувствовал себя немножко в зоопарке, причем внутри клетки. Направо – холм и дорога, налево – дорога, прямо за «паркингом» какие-то постройки. И мы в центре, уставшие и нарядные.

Тут Лекс замахал издалека руками: двигайте, мол, сюда. Мы вместе с чемоданами двинули и со скрипом втиснулись в два таксомотора каждый размером с коробку из-под печенья. Сузуки Марути явно родом из XX века – основной ящик для перемещений по Катманду, а также наглядная иллюстрация иллюзорности категории пространства. Когда садишься – пространство исчезает, но ты в нем, тем не менее, как-то перемещаешься, из точки «А» в точку «Б». Я прикрыл уши коленками, свернувшись в калач на переднем сидении, так что пусть Лекс не обижается, если у меня не получилось помахать ему в порыве благодарности. Зато стоимость поездки была весьма обезболивающей.

Обезболить было что: помимо физиологических трудностей обычный европеоидный хомосапиенс в первую поездку на непальском такси испытывает целый комплекс душераздирающих впечатлений. Это как американские горки в Диснейленде, только не американские, не горки, и не в Диснейленде. Ужас, набегающий через лобовое стекло, называется – местный трафик. Из-под колес дельфиньими стаями с фырканием разлетаются мотоциклисты, автомобили всех цветов и стадий разложения идут на таран, как пираты Дейви Джонса, почуявшие кровь, на все это с неба пригоршнями сыпятся пешеходы.

Сначала мы «мчались» по довольно широкой «трассе» плотным потоком, километров 40 в час. Когда дорога сузилась, скорость драматически упала, а местные детишки принялись перегораживать проезжую часть веревкой прямо перед мордой машины. Наш водитель тормозил, платил денежку, дети с хохотом убегали. Потому что Новый Год, объяснил таксист. Еще через две веревки я уже сам протягивал купюры в окошко и даже ржал. Новый Год же, пусть и тибетский, его тоже празднуют в Непале. Не зря Лекс показался Санта-Клаусом.

Ехали минут сорок, пока вдруг впереди, над кривым асфальтом, прямо из которого посреди дороги рос телеграфный столб, на нем – улей из проводов, над разноцветными домами разной степени достроенности и обветшалости, над буйной всепобеждающей зеленью, над людьми, автомобилями и мотоциклами, над всей суетой – вырос зеленый холм Своямбу с бело-золотой ступой наверху. Я понял, что мы, пожалуй, приехали.

Но, как положено, сначала заехали не туда. И не мудрено, ведь наш гестхаус расположен в жопе, а таксисты в Катманду принципиально игнорируют навигатор. Покружив по переулкам вдоль глухих заборов, вверх-вниз, все же прибыли, расплатились и потащили чемоданы строго вверх – любимое направление в Непале. Асфальта не было, а мысль «куда я попал?» превратилась в лейтмотив, устало бьющийся изнутри об черепную коробку. Но все терзания и сомнения отступили за забором геста: внутри было почти волшебю.

Небольшой садик с плетеной мебелью, откуда открывался шикарный вид на Своямбу. Дом в четыре этажа, чистенький и уютный, с общей кухней-столовой, комнаты со всеми удобствами немного на непальский лад: душ, к примеру, льется прямо на пол, потом надо убирать воду шваброй. Уличную обувь оставляют в коридоре, что правильно: на улицах грязь, лестницу моют, а в комнате – ковровин. Истинное благолепие после приобретенных впечатлений.

Что делает человек после затяжного путешествия через половину Евразии? Правильно, выдвигается на Своямбу. Предварительно отряхнувшись и перекусив. Перед нами открылась лестница в 365 ступеней, каждая – зря прожитый день в любом году. Чем выше, тем круче ступени, но по пути есть площадки и лавки для осмысления пройденного. Вокруг целый комплекс монументов, лестниц, лесенок, парапетов, тесно переплетенных с природой и сплошь заселенных обезьянами. Макаки активно живут своей жизнью – тусуются стайками, вычесываются, бегают-прыгают, спорят, кричат, медитируют в неподвижности, уперев взгляд в вечность. Повсюду статуи Будд, местные тут же занимаются кросс-фитом, туристы прокачивают ноги и дыхалку, карабкаясь вверх... Ощущение фантазмагории, нереальности происходящего нарастало с каждой преодоленной ступенькой.

Ближе к макушке холма нас безошибочно идентифицировал в качестве белых людей, подлежащих легкому раскулачиванию, специально обученный дядечка и пригласил к будке по соседству – оплатить.

Белый человек в Непале – источник поступлений. В любое мало-мальски достопримечательное место (не считая, разумеется, храмов и монастырей) вход платный. На Своямбу цена щадящая, 400 рупий, не жалко. Тем более, что деньги идут на уборку территории. В обмен на непривычные еще купюры выдали «проходку» на веревочке: надеваешь на шею, и все сразу видят, что ты добропорядочный турист, а не хрен с горы.

Сразу за будкой, в самом конце лестницы нас настигла первая достопримечательность, перегораживающая дорогу: огромная ваджра или дордже, что одно и то же на санскрите и тибетском. Изначально оружие наподобие палицы, в буддистской традиции ваджра перекалфицировалось в ритуальный скипетр, олицетворяющий и активность, как таковую, и абсолютную нерушимую основу бытия, и силу духа и, не поверите, даже сочувствие. Все это, понятное дело, я вычитал потом в умном интернете. Устройство ваджры имеет символическое значение, ее центр – бинду, начало неделимой Вселенной, с двух сторон – схематичные цветы лотоса, символизирующие полярность сансары. Их четыре «лепестка» – четыре стороны Вселенной, а ось – священная гора Меру. Все вместе они соответствуют пяти преображенным составляющим сознания и соответствующим им Буддам. Да-да, Будда не один в природе, скоро я в этом уверюсь наглядно.

Вот что еще вычитал: данную конкретную ваджру соорудил король Протап Малла в XVII веке, вряд ли лично, но, во всяком случае, дело было в его царствование. Он же постарался и профинансировал строительство самой лестницы, а еще двух индуистских храмов-кыков по бокам от ступы возвел, за что буддисты, конечно, тоже безмерно ему благодарны, но сквозь зубы.

А вот что мне было уже известно, я ж готовился: Своямбунатх или Своямбху, Своямбу – как его тут все называют – место не просто культовое, а основополагающее для буддизма Ваджраяны и центральное для мифологии всей долины Катманду. По преданию, на месте долины было озеро, посреди которого рос огромный и, без сомнения, прекрасный лотос. Настолько прекрасный, что привлек внимание товарища Манджушри лично. Манджушри, согласно Википедии, «проводник и учитель Будд прошлого, отец бодхисаттв».

Прилетев для изучения объекта, Манджушри, проникся красотой цветка, который ко всему еще и светился. Есть версия, что в лотосе находился огромный сверкающий алмаз, который до сих пор формирует основу ступы. Так или иначе, Манджушри решил, что надо сделать эту красоту общедоступной, для чего осушил озеро. Так появилась и стала заселяться долина Катманду, а на месте сияющего лотоса нынче холм Своямбунатх, что в переводе означает «самовозникший».

Легенда отсылает историю Своямбу на много калып назад, а ученые отследили присутствие здесь ступы как минимум с V века нашей эры. Вообще, ступой считается весь холм целиком. Якобы та, первая ступа, возникновение которой относят ко временам Будды Кашьяпы, скрыта внутри холма, а на вершине проявлена лишь ее часть. Недаром и кору, традиционный обход ступы по часовой стрелке, местный народ совершает понизу, вокруг опоясанного барабанами холма.

Последний раз ступу восстанавливали более ста лет назад. Король Непала попросил о помощи в этом короля Бутана и тот прислал Ламу Шераба Дордже Ринпоче, который двенадцать лет занимался тем, чтобы мы видели то, что видим. Запомните это имя. Запомнили? Идем дальше.

Ваджра-дордже, честно говоря, не произвела на меня сразу особого впечатления. Возможно потому, что я ее лицезрел, тяжело дыша после подъема. Что не отнимает у нее объективных достоинств: размер, проработка деталей, внушительность, где-то даже величие. Красивая штука, но вот не зацепила.

А сразу за ней вырастает, собственно, ступа. Хотя кого я обманываю? Ступа «выросла» в поле зрения еще днем, издали, на подъезде к Своямбу. И когда поднимаешься по лестнице – ее макушка всегда на виду. Но вот она прямо перед тобой. Причем настолько прямо, в упор, что разглядеть можно только детали, вся целиком она не уместится в пространстве, и есть в этом что-то символическое.

Большинство храмов в мире стоят на площадях – чтобы было место охватить их взглядом, оценить масштаб, проникнуться величием. Но бывает так, что места не хватило, сооружения замкнуты в стены или кварталы, как, например, в Праге собор святого Вита замкнут Пражским Градом, а фасад Тынского спрятан за домами на Староместской площади. Тогда задирай голову, включай воображение, но лицом к лицу лица не увидать. Здесь примерно та же история – упираешься взглядом ровно в барабаны, опоясывающие ступу. За ними белая «юбка», плавно уходящая в небо своеобразным шатром. Задрав голову, можно разглядеть квадратное навершие, где на каждой из сторон – глаза Будды с носом в виде непальской цифры «1», указывающей единственный путь к просветлению. Если присмотреться, можно обнаружить третий глаз, а ушей нету – потому что Будде неинтересно слушать молитвы в свою честь. Так мне объяснила Лилька.

Дело было к вечеру, зажглось разноцветное освещение и в его мерцании трепещущие на ветру флажки и скачущие там и сям макаки добавляли происходящему волшебной пыли. Лилька перевела мое расфокусированное внимание на встроенные в ступу ниши, прерывающие линию ритуальных барабанов. Внутри, за двойным слоем решеток, были упрятаны небольшие статуи Будд в цветных одеждах – желтых, зеленых, красных, белых, синих.

– Каждый Будда трансформирует какую-то мешающую эмоцию: гнев, привязанность, гордыню...

– Во что трансформирует?

– В свойства мудрости.

– Об этом их надо просить или они сами справляются?

– Если осознаешь свои мешающие эмоции и есть намерение от них избавиться – все проще происходит. Но они в любом случае работают.

– Слушай, а ведь Будда вроде бы один, который Гаутама.

– Это Будда, проявленный в нашем мире. Причем, только в наше, так сказать, время, в нашу эпоху. В прошлом были другие Будды, будет Будда в будущей калпе, Майтрия. А эти Будды, как бы тебе сказать, из другого мира. У Будда-семейств, кстати, и фамилии есть...

Спустя какое-то время, примерно через полгода, я уже лучше разбирался в Буддах, ориентированных по сторонам света, определенным цветам и «ядам», с которыми они справляются. Так, Вайрочана одет в белое и работает с неведением, зеленый Амогхасиддхи растворяет зависть, красный Амиабха заведует борьбой со страстями, синий Акшобхья помогает справиться с гневом, а желтый Ратнасамбхава трансформирует гордость. А когда я вернулся на Своямбу год спустя, зафиксировал имена всех присутствующих, по порядку, по часовой стрелке от основной фигуры Будды Амиабхи и его супруги Пандары. Далее идут Тара и Амогасиддхи, Сапталочани, она же Белая Тара и Акшобья, Вайрочана в гордом одиночестве, Мамаки (Желтая) Тара с Ратнасамбхавой. Но тогда, в свой первый визит на Своямбу, я видел лишь разноцветные фигуры, спрятанные за двойными решетками.

Мы прошли вокруг ступы, народ куда-то растворился, Лилька отправилась разглядывать что-то ей интересное, а меня утащило в другую сторону: я увидел небольшой храм необычной архитектуры. Внутри в низком проеме сидел, видимо, кто-то вроде зрителя, и улыбался. Потом я узнал, что это храм Харити, узнал ее историю, выяснил, что за храмом следят невари – представители одной из народностей Непала, которые долгое время считались здесь кем-то вроде неприкасаемых. Но именно они традиционные хранители здешних культовых буддистских мест.

Храм Харити изящен и немного зловещ – что неудивительно, когда узнаешь историю этой дамы, жравшей детей. История там вкратце такая: было у Харити множество отпрысков, сотни, кормить их было особенно нечем, вот она и крала потомство у людей для пропитания собственных чад. Все, как говорится, в дом. Люди попросили защиты у Будды Шакьямуни. Тот, недолго думая, украл одного ребенка у Харити и спрятал. Безутешная мамаша в свою очередь пришла к Будде за помощью. Тот вернул ребенка и сказал – смотри, как ты переживаешь из-за потери одного из сотен своих детей. Представь, как страдают люди, теряя единственного ребенка. Тут Харити резко изменила свои взгляды на киднеппинг и поклялась защищать детей. Теперь она благопорядочная покровительница родов, детства и прочего материнства, к ней ходят за благословением, в основном, беременные дамы и молодые мамы. Харити одинаково почитается в индуизме и буддизме, и по выходным и праздникам к этому храму вьется длинная очередь.

Я сделал несколько снимков и только потом увидел табличку с просьбой не фоткать. Человек, сидящий внутри, продолжал улыбаться. Теперь я должен задать вопрос: вас когда-нибудь било током?

Не могу точно вспомнить, в каком месте я почувствовал первое движение воздуха. Небольшой ветерок присутствовал – но это было что-то вроде вибрации. Как будто низкочастотный ток пробегал волнами, задевая и покалывая. Не возле храма Харити точно, некая белая стена где-то рядом со ступой, и стена принадлежала какому-то храму. Сейчас пытаюсь восстановить картинку, но не могу идентифицировать место. Так или иначе, в воздухе образовалось едва заметное, но физически осязаемое напряжение. В сочетании с едва уловимым специфическим запахом, смеси благовоний и чуть затхлой сладковатой... э-э-э, древности?

Меня это не застало врасплох – как-никак место намоленное, в подобных локациях у меня периодически случаются различного рода инсайты. В Праге в соборе святых Петра и Павла на Вышеграде несколько раз, с разрывом в пару лет, совершенно одинаково гладили по голове, в Киеве в соборе святого Владимира накатывало что-то очень древнее... Требуется некоторое время для осознания происходящего. В воздухе едва ли не зримо что-то зудело,

какие-то слабые токи пронизывали пространство. Внятно описать сложно, но ощущения достаточно явственные, чтобы не списать их на самовнушение на фоне джет-лага.

Я принялся целенаправленно сканировать пространство в поиске источника вибраций. Потыкался возле пары храмов – не то. Интуитивно меня притянуло в угол площади, расположенной за большой ступой и окруженной небольшим огородом из относительно миниатюрных ступочек. Как сомнамбула я выбрал на черную фигуру стоящего Будды в полтора человеческих роста, выбитую в VII веке из цельного камня, о чем свидетельствовала расположенная рядом табличка. Еще табличка, крайне потертая и едва различимая, сообщала, что имя Будды – Дипанкар. Уже потом, примерившись, я понял, что фигура на самом деле была в человеческий рост, просто стояла на небольшом постаменте. Пропорциональное тело с мощным плечевым поясом, кучерявая голова, вытянутые уши, полуприкрытые глаза, полуулыбка, правая рука с раскрытой ладонью...

От каменной фигуры, сделанной удивительно искусно, шел ровный мощный поток энергии, который я ощутил всем телом. С чем бы сравнить? Представьте ветер из огромного количества мельчайших частиц, которые пронизывают насквозь и едва уловимо щекочат. Чувствуется напор и мощь и, одновременно, мягкость и легкость. Будда смотрел на меня и улыбался.

Я простоял какое-то время, пытаюсь удостовериться в реальности происходящего. Кажется, даже услышал легкое жужжание этого «генератора». Мистический опыт, да? Когда вас бьет током, вы же не ссылаетесь на мистику, потому что знаете, что такое электричество. Верите в его существование – вот же оно, в телевизоре, холодильнике, лампочке, проводах. Бегут какие-то заряженные частицы, физика.

Бывает, что дело во внутренних настройках и самовнушении – люди чувствуют то, что хотят ощутить. Что-то уловили, а остальное доделывает воображение. Я попытался сбросить эти ощущения, обнулить восприятие: повертел головой, посмотрел в небо, снова перевел взгляд на Будду. Он улыбался, как показалось, чуть более насмешливо, но по-доброму – а энергия никуда не ушла, продолжала литься сквозь меня. Я отошел на несколько метров – энергия шла за мной потоком. Не электрическая, но явно имеющая свою природу и источник.

Как себя ведут в подобной ситуации нормальные люди? А я не знаю. Мне кажется, что по какой-то причине внутренне был готов к чему-то подобному. Не то чтобы воспринял все как само собой разумеющееся, но удивительно спокойно. Подошла Лилька, я ей сказал, что чувствую мощную энергию от статуи. Она улыбнулась – не знаю, поверила или нет. Потом сказала, что поверила, конечно, просто не хотела мешать.

Я отошел на приличное расстояние, поток утих. Внутри образовалась какая-то наполненность, как будто я кувшин, и меня наполнили чем-то вроде вина. Оно слегка кружит голову, но выпить не получается – я ведь кувшин. Сгусток энергии внутри, а снаружи оболочка с ручками-ножками.

Под впечатлением я еще какое-то время ходил по Своямбу кругами, и вокруг ступы, и по окрестностям, встречая и теряя знакомые лица, что-то говорил, отвечал, стараясь не расплескать то, что внутри. Местные граждане принялись разжигать костер – перед тибетским Новым Годом, Лосаром, на который мы угодили, принято сжигать все прошлое и ненужное. Масленица, да и только. Во многих культурах есть такая традиция.

После перелета с другой части света и карабканья на 365 ступеней я чувствовал себя удивительно спокойным и полным сил. Даже есть не хотелось, хотя все остальные были голодны, и мы нашли в итоге открытую в уже поздний по местным меркам час (было около восьми вечера) кафешку с момо, непальскими пельмешками, здесь же, на вершине.

Когда вышли из кафе, было уже совсем темно, служащие выключали освещение, а стайки незаметных днем бродячих собак принялись облаивать припозднившихся посетителей, спешащих вниз. Поспешили и мы, каждый со своими впечатлениями. Катманду разливался внизу мириадами огней и огоньков, переливался и перемигивался, у подножия Своямбу на площади шел какой-то предновогодний, видимо, концерт – песни и пляски, индийское кино а-ля натюрель. У нас даже хватило сил заглянуть на это мероприятие, впрочем, люди уже расходились, отправились спать и мы.

Так прошел первый день.

День второй. Пуджа, Боуда и немного про реальность

На вопрос «кто ты?» ответить трудно, но я все же попробовал. «Я тот, кто зачем-то приехал в Катманду и теперь почему-то идет в какой-то монастырь на какую-то пуджу». Пуджа, как мне объяснили, посвящена Махакале, кто бы это ни был, а монастырь зовется Сангье Чолинг «Прозрачного Ламы» Лопена Цечу Ринпоче.

Да-да, того самого, который растворял свое тело в воздухе. Он, к сожалению, уже растворился безвозвратно в 2003 году, но Лильке повезло, она успела увидеть Лопена Цечу и пообщаться с ним несколько раз на ретритах, получить от него некоторые посвящения. Рассказала по дороге, петляющей переулками вверх-вниз (в основном, вверх) много интересного. Например, как-то в Испании, где Цечу Ринпоче построил самую большую в западном полушарии ступу, Лилька и еще несколько граждан-буддистов пришли в нему пообщаться и получить благословение. Помощник сказал, что Ринпоче сейчас занят, но скоро освободится, подождите. И тут у всей кампании как будто подкосило ноги, и все, не стовариваясь, плюхнулись, где стояли. «Как будто кто-то мягко пригнул к земле, – вспоминала Лилька, – и внезапно мы вместе начали медитировать». Спустя какое-то время «отпустило», и тут же вышел помощник и сказал, что Ринпоче закончил медитацию и может принять посетителей. Мощный, судя по всему, был лама.

Но до конца он не растворился. Согласно буддийской традиции, Цечу Ринпоче настигла реинкарнация, в данном случае если не совсем осознанная, то вполне себе опознанная. Людей, в которых возрождаются знаменитые мастера, называют тулку – вот его-то я и увидел. Молодой Джигме Чоинг Норбу только что прилетел из Бутана и зашел в «свой» монастырь почти одновременно с нами, в сопровождении многочисленной свиты и чемоданов.

Он поднялся на площадку перед монастырем с противоположной от нас стороны, попав в коридор встречающих монахов и мирян, в том числе европейцев. Завыли трубы и молодой, худой, улыбчивый, в очках, Ринпоче, немного смущаясь, принялся накидывать протягиваемые ему с поклоном белые шарфы на шеи – благословлял. Ринпоче дошел до меня, пристроившегося последним в ряду, увидел, что вместо шарфа у меня в руках телефон, улыбнулся и прошел мимо.

Тут, наверное, самое время рассказать, что такое пуджа и гомпа. Гом по-тибетски – медитация, гомпа, соответственно, место для медитации. Как правило, основной зал монастыря или храма для проведения медитаций и обрядов, в частности – пудж. Пуджа – ритуальное событие, посвященное тому или иному аспекту буддизма, может длиться довольно долго, несколько дней или даже недель. Опять-таки – ничего этого я на тот момент не знал, но вот выяснил и делюсь знанием.

До начала пуджи мы успели подняться по боковой лестнице в зал (гомпу?), где по центру за стеклом стоял... э-э-э... саркофаг? Не знаю, как правильно это назвать. Сооружение, похожее на ступу, внутри которого находится тело Лопена Цечу Ринпоче. Говорят, после смерти он, в соответствии с одной из традиций ухода йогоинов, сильно уменьшил размеры своего тела, так что его свободно поместили в сидячем положении в относительно небольшую ступу, а уже ее – в этот саркофаг побольше.

Помните, я просил вас запомнить имя Шераба Дордже Ринпоче, который восстановил больше века назад ступу Своямбу? Так вот, Лопен Цечу Ринпоче – его племянник и преданный ученик. А преемником Лопена Цечу в его заботах о Своямбу и окрестностях стал Шераб Гьялцен Ринпоче, о существовании которого я еще не подозревал. Но скоро судьба сведет меня с ним, заставив впоследствии много думать о коллизиях судеб и важности почти случайных, казалось бы, встреч.

Главное место на алтаре позади саркофага с Цечу занимала фигура суровой дамы. Во всяком случае, я решил, что это дама. Вскоре методом допроса Лильки было установлено, что это Будда Ваджратхара. Упс, простите. Казалось, что Будда не сводит с меня глаз, куда бы я ни пошел. И смотрит с некоторой насмешкой. Возможно, ему не понравилось, что я принял его за даму. В свое оправдание могу сказать, что черты лиц у многих культовых личностей в буддизме настолько мягки, что не грех и перепутать.

Я постарался со смирением принять насмешку Ваджратхары, пообещав, что, когда приду сюда в следующий раз (была почему-то такая уверенность), непременно буду более любезен. Так сказать, выйду и зайду как положено. Его прощальный взгляд сказал мне: хорошо, посмотрим.

Атмосфера вокруг была умиротворяющая, хотелось присесть в уголке и уткнуться носом в вечность. Лилька села медитировать, я тоже расслабился и слегка потерялся во времени и пространстве. Когда мы очнулись и спустились в главную гомпу, пуджа уже стартовала.

Вдоль главного прохода сидели в два ряда монахи, нараспев читая текст, изложенный на узких, как будто нарезанных для какой-то игры, страничках. Я вдруг подумал, что эти узкие странички можно с тем же успехом назвать широкими – все зависит от восприятия. Эдакие, короче говоря, полоски с текстом. Время от времени монахи бросали читать и начинали стучать в барабаны и дуть в трубы, создавая неповторимый колорит буддистской церемонии. Все желающие разместились в несколько рядов за монахами и вдоль стен, на относительно мягких циновках. Мы пробрались вдоль стены и нашли наших и свободные места где-то сбоку.

Непривычно сидеть, скрестив ноги. Вика, сестра Лильки, прошептала, что правильно держать левую ногу ниже правой – дескать, так лучше циркулирует энергия. Не знаю, куда она там циркулирует, но только не в ноги. Конечности через десять минут безбожно затекли, и я начал сомневаться, что вообще смогу встать. Знакомые с сутью происходящего граждане

погрузились в процесс, бормоча под нос непонятное, я же просто пытался освоиться в незнакомой обстановке, вертел головой, шевелил, как мог, ногами и отмечал какие-то незначительные детали.

Заметил, что одни монахи довольно бодро перелистывали странички с текстом, в то время как другие на них почти не смотрели – знали текст наизусть? Увидел, что в целом слаженный оркестр пуджи все же заметно распадается на отдельные голоса и звуки: тут не было отрепетированности, просто присутствовала некая общая канва, которую каждый вел в силу своего понимания и, вероятно, внутренних настроек. Кто-то распевал громче, кто-то тише, кто-то чуть быстрее, монахи покачивались, замирали, что-то поправляли в одежде, почесывались – чувствовали себя довольно свободно.

Лейтмотив задавал лама, которого я не видел, обзор перегораживал столб. Возможно, это был Джигме Чоинг Норбу Ринпоче, хотя голос был низковат для двадцатилетнего юноши. Он пел в микрофон, время от времени переходя на горловое пение, и тогда низкие вибрации заполняли все пространство гомпы. Эффект – завораживающий. Для меня это была экзотика в незамутненном пониманием виде, я впитывал происходящее как зритель на спектакле, идущем на незнакомом языке. Думаю, таких как я, было не больше десятка человек, остальные – и монахи, и миряне – были участниками, исполнителями.

Через какое-то время мне пришлось поменять положение ног, а еще минут через двадцать я понял, что пуджа и не думает закругляться. Похоже, история длинная. Я заметил, что многие не из числа монахов периодически встают и выходят, другие – возвращаются.

Воспользовавшись свободой передвижения, я на полусогнутых деревянных ногах выскользнул на воздух, отыскал свои ботинки и пошел размяться. Во дворе монастыря на стульях сидело человек тридцать – им прекрасно было слышно происходящее внутри через открытые двери. Я прогулялся до невысокой ограды, за которой открывался живописный вид на окрестности. Еще и суток не прошло, как я приземлился в Катманду, а уже столько впечатлений! Отправится в Непал без каких-либо ожиданий было очень по-буддистски: возможно, именно поэтому восприятие было таким ярким. Ну или в прошлой жизни я был буддист.

Поразмышляв на подобные темы, вернулся в гомпу, по которой довольно свободно блуждали местные и не очень граждане. Одна полная дама в сари подошла к вырезанной из картона фотографии Цечу Ринпоче в полный рост и с поклоном надела на нее белый шарф, коих там висело уже множество. Две другие дамы, очень похожие на японок, одна молодая, другая пожилая, просто шли вдоль монахов и клали возле каждого деньги. Старик с беззубой улыбкой деловито извлек из целлофанового пакета толстую пачку мелких купюр и начал рассовывать их куда только можно: монахам, доступным фигурам Будд – перед ними стояли чаши с рисом: купюру нужно было свернуть кулечком и воткнуть острым концом в рис. Просто клал деньги на алтарь. Вдоль рядов прошли два монаха: один раздавал всем пластиковые стаканчики, второй наливал в них из огромного чайника масала-чай: чуть солоноватый и с молоком. Позже эти же монахи налили внушительную чашу какого-то алкоголя (что было очевидно по запаху) перед алтарем – видимо, в качестве подношения Буддам.

В общем, скучать не приходилось. Монахи то бормотали, то распевали, на фоне отбивающих ритм барабанов и время от времени ревущих труб делались подношения, производились какие-то ритуальные действия, значение которых я решительно не понимал. Прошел еще примерно час и, слава Буддам, наши решили, что с нас хватит. Они бы, конечно, еще посидели,

но вот тебе, наверное, скучно? Я максимально дипломатично полупшепотом сформулировал мысль о том, что нет, нефига не скучно, но да, пора бы уже и свалить.

Вышли мы из монастыря ближе к обеду. Куда дальше? Военный совет постановил: на Боуду.

Но прежде мы пошли в другое намоленное место, кафе «Своямбу кофе хаус». Там любят столоваться монахи многочисленных окрестных монастырей, да и обычные граждане не брезгуют, ибо вкусно и дешево. А еще довольно чисто и даже местами красиво, а еще стратегически грамотно расположено прямо на маршруте большой коры вокруг, собственно, Своямбу. Задний же выход со двора, уставленного столами, выводил прямо к воротам монастыря Шераба Гьялцена Ринпоче, куда в последствии мы еще неоднократно заглянем.

Кулинарным откровением «кофе хауса» для меня стало чапале, в который (которое?) я наугад ткнул в меню. По сути, это наш родной чебурек! Причем в идеальной его реинкарнации: хрустящее золотистое тесто сверху, а внутри много нежной, сочной, ароматной начинки. Конечно, был бы я буддистом, не стал бы есть чебурек с мясом, но на тот момент я был, скорее, голодным туристом, так что зашло на ура. Цена вопроса такая, что кошелек практически не пострадал, в отличие от моей кармы.

Ну и пока мы жуем, хочу ответить на вопрос, который вы мне не задавали: почему после встречи с Черным Буддой, как я окрестил про себя Будду Депанкара (в разных источниках он зовется то Депанкар, то Депанкара), я делаю вид, как будто ничего особенного не случилось?

В юности, когда я читал про путешествия Карлоса Кастанеды с Доном Хуаном, меня невероятно раздражала похожая история из разряда «не верю». Дон Хуан буквально тыкал Карлоса носом в мистическое, а тот упирался всем своим сознанием и требовал новых и новых пруфов. Людям вообще свойственно игнорировать то, что они не могут рационально объяснить. Показалось, померещилось, надо же, а что это было, а было ли вообще? В итоге полученный опыт постепенно выветривается. Память услужливо заменяет его чем-то более знакомым и привычным.

И сейчас могло произойти также: длинный перелет, новое место, экзотический антураж. Могло просто знобить от акклиматизации. Не умея толком объяснить произошедшее, я по инерции продолжал вести себя как ни в чем не бывало. Так бы все, возможно, и сошло на нет, если бы не два обстоятельства. Вернее, два опыта, которые у меня уже были в прошлом. И благодаря которым я точно знал, что реальность порой способна удивлять.

Первый случай произошел давно, когда деревья были большие, а я наоборот – молодой, лет двадцати с хвостиком. И была операция, общий наркоз. Доктор велел считать мне вслух от десяти до одного, где-то на цифре «семь» я вырубился. И обнаружил себя летящим в некоем пространстве, как это водится у людей под наркозом. Встречный поток воздуха вдруг начал буквально вышибать из моего тела частицы, как пиксели на экране. Похожая ассоциация.

Я лечу и вижу, как постепенно исчезают руки и ноги. «Редет» тело. Боли нет, но есть полное осознание происходящего и некоторое любопытство. Через какое-то время от меня не остается ничего, я по частицам «выветрен» и распылен. До моего сознания, с которым ничего не случилось, вдруг доходит, что меня НЕТ! Я перестал существовать, прекрасно осознавая

данный прискорбный факт. Мир, центром которого я благополучно являлся двадцать с хвостиком лет, при этом никуда не исчез. Не пострадал ни капли от моего «отсутствия».

Это что-то про кота Шредингера: я есть или меня нет?! Если я есть, где мое тело? А если меня нет, то ЧЕМ я это осознаю? Произошла полная разгерметизация сознания. Все, на что я уверенно опирался до сих пор, было выбито как табуретка из-под ног – и вот я болтаюсь в воздухе, судорожно пытаюсь нащупать хоть что-то.

Через какое-то время процесс запустился в обратном порядке: пиксели, на которые я распался, начали возвращаться, прилетать неоткуда со встречным ветром и вставать на место. Я пересобрался заново, постепенно вернулось туловище, руки-ноги, я начал приходить в сознание...

Помню ощущение ледящего ужаса после. Я ПЕРЕЖИЛ отсутствие себя как личности. Все что было важно, значимо, все, что было мной, попросту не существовало. И я (кто?!) это увидел и прочувствовал. Привычная система координат разбилась вдребезги. Что я мог тогда об этом подумать? Списал на глюк в матрице и постарался побыстрее забыть, как страшный сон. Почти удалось.

Второй случай произошел примерно за полгода до поездки в Непал. Я работаю на очень тяжелой, изматывающей работе. Изматывающей и физически, и морально. Высасывающей до доньшка. Шла очередная тяжелая смена, к середине которой я почувствовал – все, нет больше сил. И начал бормотать мантру, Ом Мане Пеме Хунг. Мне про нее Лилька рассказала.

Постепенно в голове образовалась звенящая пустота, только слоги мантры бились в черепной коробке. Я ничего не ждал, ни на что не рассчитывал, ни о чем не думал, я так устал, что мог только повторять мантру бесконечное количество раз. Прошла пара часов и из звенящей пустоты постепенно начало вырисовываться что-то очень теплое и приятное. Внутри меня как будто всходило солнце, освещая все вокруг теплыми нежными лучами. Я не сразу осознал происходящее, сначала просто почувствовал какие-то легкие изменения, которые довольно быстро набирали силу. Меня наполнила, переполнила и пролилась наружу сначала тихая, а затем бурная радость, безо всяких на то видимых причин. Все та же тяжелая работа, те же лица, к которым вдруг проснулось невероятное ощущение сочувствия и признательности. Меня накрыло звенящее, натянутое как струна, и разлитое до горизонта и за горизонт счастье.

Я перестал читать мантру и просто купался в этом. Улыбался до ушей, радостно думал, что, когда в следующий раз пойду на работу, будет невероятно приятно снова здесь оказаться. Я был счастлив как никогда в жизни. Физическая усталость ушла. Ушли все боли, не осталось ничего негативного, только тотальное счастье от того, что я есть. Неважно, что со мной будет, что я делаю, что буду делать – я ЕСТЬ!

Все люди хотят счастья. И то, к чему они так стремятся – сознательно или бессознательно – я прочувствовал на своем опыте, пусть и эпизодическом. Прорвался сквозь завесу на ту сторону. Когда все улеглось (а нахлобучивало меня весь остаток дня и отголоски были следующим утром), я вспомнил свой первый опыт из юности. Сопоставил с этим. И кое-что понял.

Мир более широк, чем то, что мы обычно воспринимаем и принимаем за него. Мы не те, кем себя считаем. Есть другая сторона, вернее, что-то за пределами всех сторон. Сначала я увидел, что меня нет. А потом появился кто-то абсолютно счастливый.

Где попробовать искать ответы? Буддизм, в общем-то, как раз дает их тем, кто готов слышать. Меня, видимо, подготовили.

Поэтому я не удивился, когда встретился с Черным Буддой. Не ожидал этой встречи, но, пожалуй, знал, что она не случайна. Возможно, это продолжение истории. Хотя бывают чудеса и посерьезнее.

Например, Боуда. Своямбунатх и Боуданатх, Своямбу и Боуда, две великие ступы Катманду и всего буддистского мира. От одной до другой – примерно полчаса на такси.

Какие же они разные! Своямбу высится на зеленом холме, Боуда вписана окружностью в тело города. Боуда заметно больше, если сравнивать собственно ступы, и не вспоминать, что ступа на Своямбу – это весь холм. Боуда более оживлена, Своямбу более камерна. От Будды ждут исполнения желаний, Своямбу – место для разрешения проблем со здоровьем. Так считается, так люди верят. С туристической точки зрения Боуда – городская достопримечательность, а Своямбу – достопримечательность почти загородная, куда нужно ехать специально, а потом еще взбираться вверх. Но поскольку мы жили возле Своямбу, специально поехали к Боуде.

Когда таксист затормозил у тротуара довольно широкой по местным меркам и весьма оживленной улицы, я усомнился, что нас привезли по адресу. Никаких признаков ступы вокруг не было: дома, машины, люди, лавки, обменники. Дама-полицейская ругается с нашим таксистом – останавливаться здесь нельзя. Но вот между домами арочный проход и ты ныряешь в другую реальность.

Для начала – пресловутая будка с продажей билетов интуристам. На этот раз все серьезнее, тысяча рупий. За аркой открывается круглая площадь со ступой, занимающей большую ее часть. Налево и направо плавно закругляется линия ритуальных барабанов, несколькими ярусами поднимается сама ступа, увенчанная огромной белой «юбкой» с традиционными желтыми разводами, над ней – квадрат с лицами Будды, еще выше – позолоченный шпиль с не менее традиционным набором наверший и расходящимися трепещущими лентами флажков. Ступа огромна, но она совершенно не давит своим размером. Наоборот, ловишь ощущение легкости и полета. Кстати, по специальной лестнице можно «взлететь» на второй ярус, предварительно сняв обувь, походить в носках или босиком по шершавой выпуклой поверхности, ощутить то, что говорят о ступе многие и многие паломники: «Она живая».

Площадь опоясывает плотная гирлянда разноцветных зданий: на первых этажах магазины, в основном сувенирные, на верхних – рестораны, занимающие также открытые балконы, террасы и крыши. Поток людей «вращается» вокруг ступы по часовой стрелке. Толпа, подобно морю, бурлит на площади, уходит в проемы зданий и сквозных галерей, ведущих на соседние улочки, волнами возвращается оттуда новыми людскими потоками. Людей много, но на площади не тесно, места хватает всем.

За первой стеной с барабанами, ниже второго яруса – пространство для уединения, медитаций, постираний, подношений. Тут человек отгорожен от городской суеты и напрямую общается со ступой и своей природой. Такое тут устройство, если в двух словах. Боуда – целый

район вокруг ступы, с огромным количеством лавок, ресторанов, забегаловок, гостиниц, хостелов, всего на свете, есть здесь и несколько монастырей, один из которых основал Урген Ринпоче, в гостях у которого мы побываем несколькими днями позднее.

Историй возникновения Боуды, как водится, несколько, и не одна из них не претендует на единственно верную. Возраст ступы колеблется в разных источниках от пятисот до двух с половиной тысяч лет, то есть еще до времен Будды Гаутамы. По одному из преданий, в ступе находится прах предыдущего Будды, Будды Кашьяпы.

Есть легенда про засуху и самопожертвование махараджи, обманом заставившего сына отрубить себе голову – эта жертва была необходима, по мнению богов, для возвращения воды. После чего боги приказали сыну построить на месте убийства ступу – и уж тогда точно вода вернется, что и произошло после 12 лет строительства.

Есть легенда о женщине, которая обратилась к местному правителю с просьбой выделить землю для возведения ступы. Хитрый дядька разрешил ей забрать столько земли, сколько сможет покрыть платок или, по другой версии, коровья шкура. Тогда женщина распустила платок на нитки (шкуру на волокна) и сумела опоясать этой ниткой изрядное пространство, которое и занимает ныне Боуда.

Дальше легенда гласит, что женщина со своими тремя сыновьями принялась строить ступу, но не дожидаясь завершения работ. Когда ступу достроили, работу «принимал» кто-то из великих Будд или Бодхисаттв, не могу вспомнить, кто именно. Важно то, что он мог исполнять желания – и предложил трем сыновьям в награду за труд загадать по одному желанию.

Первый сын загадал стать правителем Тибета – и стал царем Трисонг Дэценом, пригласившим в Тибет сто восемь учителей буддизма. Второй захотел быть при этом правителе советником и ученым – так появился Шантаракшита, настоятель первого буддистского монастыря в Тибете, тот, кто на самом деле первым принес буддизм на Тибет по зову Трисонг Дэцена. Третий сын пожелал защищать братьев и нести свет Дхармы – и стал Падмасамбхавой, Лотосорожденным, Гуру Ринпоче, одним из самых почитаемых фигур тибетского буддизма, призванного в свою очередь Шантаракшитой из Индии для защиты от злобного духа-нага. Это всего лишь легенда, но я позже нашел ей подтверждение в книге Ургена Ринпоче «Блистательное величие»:

«Шантарикишита был великим бодхисаттвой, и его сердце было полно невиданного сострадания и миролюбия. Из-за своего миролюбия он не мог подчинить местных духов, обитающих в окрестностях Самье. Казалось, что Шантаракшита вот-вот сдастся и не выполнит возложенную на него миссию, а потому царь все больше мрачнел, не видя никакого продвижения дела.

– Я всего лишь бодхисаттва, – сказал царю Шантаракшита, – я не могу справиться со всеми могущественными духами этой местности. Но не отчаивайся: выход есть. В Индии живет тот, кому нет равных во всем. Он даже родился не из материнского чрева. Его зовут Падмасамбхава, Лотосорожденный. Все боги и демоны, противящиеся истинным учениям, замирают от ужаса и цепенеют, едва услышав его имя. Пригласи его в Тибет, и наши трудности закончатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.